

ГЛАВА 6. ЗАБЫТЫЙ ЦВЕТОК

В крафтовом пакете больше ничего не было. Янь Шань лихорадочно прощупал дно, надеясь отыскать хоть какую-то зацепку, и его пальцы наткнулись на что-то твердое.

Это была разбитая фоторамка и рисунок.

«Снова картина?»

Он осторожно извлек находки и разложил их на столе. Рисунок выглядел плачевно: старая бумага пожелтела от времени, а прямо посередине зиял глубокий залом. Когда-то его писали акварелью, но теперь, под гнетом лет, краски выцвели и расплылись, превращая оригинал в туманное марево.

На картине была изображена огромная охапка роз, тянущихся к солнцу. Янь Шань почувствовал странный укол узнавания.

— Это что же... неужели я нарисовал? — Он пригляделся к мазкам. Характерные движения кисти были точь-в-точь такими же, как на тех злополучных белых трусах с розой.

Значит, точно его работа.

Янь Шань смутно припомнил, что в самом начале своего пути увлекался именно акварелью. С годами его стиль трансформировался, впитав в себя элементы традиционной китайской живописи гошуа, стал более тонким и детализированным. Прежняя, ученическая манера письма давно стерлась из его памяти. Если бы не та роза на белых трусах, увиденная пару дней назад, он бы ни за что не признал в этих робких мазках свою руку.

— О чем я только думал в то время? Почему везде одни розы? — пробормотал он, тщетно пытаясь разгадать загадку прошлого.

Перевернув лист, он замер. На обороте виднелись аккуратные строчки:

«Дарю тебе этот букет. Пожалуйста, не сердись больше».

«С днем рождения».

Янь Шань почувствовал, как сердце пропустило удар.

— Неужели это я написал?

Почерк, без сомнения, принадлежал ему. Янь Шань быстро сообразил: раз Лу Цунбай хранил этот рисунок в ящике стола и не выбросил даже после того, как рамка разбилась, значит, эта вещь имела для него колоссальное значение. Настоящая реликвия.

Учитывая, что великий господин Лу бережет даже белые трусы с розой, Янь Шань решил, что к картине лучше лишний раз не прикасаться. Еще испортит чего доброго по неосторожности, и А-Цэ расстроится.

Он уже собирался убрать пакет обратно в стол, на время выбросив из головы мысли о таинственном Шэнь Лине, как вдруг дверь кабинета распахнулась.

Голос Лу Цунбая прозвучал неожиданно:

— Шань-баобао, я вернулся. Чем ты тут занимаешься?

— Ой! — вскрикнул Янь Шань и попытался поспешно выбраться из-под стола.

Но поспешность сыграла с ним злую шутку. Он слишком резко выпрямился и с глухим стуком врезался затылком в столешницу. Удар был такой силы, что стол ощутимо содрогнулся. На самом краю стояла открытая банка белой интерьерной краски, оставленная рабочими. Качнувшись пару раз, она опрокинулась.

Маленький «водопад» обрушился прямо на голову Янь Шаня.

— А-а-а!

Хлюп. Вместо Янь Шаня из-под стола показалось нечто, напоминающее обвалянного в муке цыпленка. Он был залит краской с ног до головы.

Лу Цунбай в ужасе бросился к нему:

— Где ударился? Больно?!

Янь Шань, согнувшись в три погибели, дрожа выполз на свет. Он прослезился от боли.

— Ой-ой... как же больно...

— Кто просил тебя туда лезть? Быстро закрой глаза, а то краска попадет! — скомандовал Лу Цунбай.

Не говоря ни слова, он подхватил «мокрую курицу» на руки, отнес в комнату отдыха и, сорвав с

него одежду, запихнул в душ. Включив горячую воду, он принялся смывать липкую массу. К счастью, краска еще не успела схватиться, и Янь Шань чудом избежал участи стать живой статуей.

Белесые ручьи стекали по кафелю, собираясь в мутные лужицы у слива. Лу Цунбай схватил мочалку и начал остервенело тереть кожу Янь Шаня.

— Тише, тише! Больно же! — взвыл тот.

Нажим тут же ослаб, хотя кожа все еще горела от резких движений.

— А как ты хотел? Терпи. Если это засохнет, будет раздражение. Я стараюсь как можно нежнее, — в голосе Лу Цунбая смешивались гнев и беспокойство.

Спустя сорок минут хаоса Янь Шань, наконец, вышел из ванной. Его кожа пылала алым цветом под белым полотенцем. Лу Цунбаю тоже досталось: в спешке он забыл раздеться и промок до нитки, так что ему пришлось мыться следом.

Первое использование душа в собственном кабинете оказалось весьма далеким от романтики. Жизнь — штука непредсказуемая.

***

С самим Янь Шанем все было в порядке. Лу Цунбай вызвал личного врача, чтобы тот осмотрел кожу на предмет аллергии, и клининг — привести кабинет в чувство. Постепенно буря утихла.

Янь Шань, с ног до головы измазанный успокаивающей мазью, неловко переминаясь с ноги на ногу, вышел из спальни.

— А-Цэ, прости... я такой неуклюжий. Опять доставил тебе хлопот.

Лу Цунбай ласково погладил его по голове, не выказывая ни тени раздражения, и принялся сам разбирать завалы на столе. Внезапно Янь Шань заметил угол стола. Там, в луже сероватой жижи, лежало нечто знакомое.

Он поднял это «нечто», и его сердце ушло в пятки.

—... Прости. Кажется, я испортил твой рисунок.

Под тяжелым, виноватым взглядом Янь Шаня Лу Цунбай увидел ту самую акварель с розами. Больше половины листа было залито кремовой краской, полностью скрывшей цветы. Издалека

казалось, что это просто пустой кусок бумаги. Картина была безвозвратно уничтожена.

Лу Цунбай застыл. Он едва заметно шевельнул губами, долго смотрел на изуродованный листок, не в силах вымолвить ни слова.

— А-Цэ, я нарисую тебе новую! — горячо зашептал Янь Шань. — Клянусь, нарисую что захочешь, всё что угодно!

Лу Цунбай молчал. Наконец он осторожно взял лист, баюкая его в ладонях, и негромко спросил:

— Ты совсем ничего не помнишь об этой картине?

Янь Шань, в чьей голове царил полный сумбур, только и думал о том, как загладить вину.

— Нет, не помню. Но это ведь не беда! Дело прошлое, это просто старый рисунок. Я сейчас пишу гораздо лучше. Давай просто выкинем этот хлам?

— Как это — не беда? — голос Лу Цунбая вдруг стал непривычно холодным. — Что значит «просто выкинем»?

Янь Шань опешил:

— Нет, я хотел сказать...

— Тебе кажется, что раз всё в прошлом, то это не имеет значения? Что со старыми вещами можно обращаться как угодно? — Лу Цунбай впервые говорил с ним в таком тоне.

Янь Шань испугался. А-Цэ никогда не злился на него, и если сейчас он на грани срыва, значит, случилось нечто действительно ужасное. Мастер драмы мгновенно сменил тактику: он бросился к Лу Цунбаю и крепко обнял его, засыпая извинениями.

— Прости, прости меня! Я виноват, я сделаю всё, что попросишь. Я не это имел в виду. Просто... рисунок — это важно, но ведь мы сейчас вместе, разве нет?

Янь Шань знал, что Лу Цунбай — человек редкой душевной привязанности. Он дорожил каждой мелочью, связанной с их общим путем.

— Старые вещи не вечны, — шептал Янь Шань, прижимаясь к нему всем телом. — Но пока мы рядом, мы можем создавать новые воспоминания, правда?

Он замер, ожидая заслуженной порции гнева. Но Лу Цунбай словно окаменел. Прошло несколько долгих минут, прежде чем Янь Шань почувствовал, как муж осторожно положил ладонь ему на спину.

Лу Цунбай глубоко вздохнул.

— В том-то и дело, малыш. Новые воспоминания бесценны, но старые... они — наш фундамент. Ты ведь не помнишь, да? Эта картина — самый первый подарок, который я получил в жизни на день рождения. Ты подарил её мне.

— Тогда я подумал, что ты сделал это специально для меня. А ты вдруг сказал, что ошибся дверью, и хотел забрать её назад. Я так разозлился, что пошёл и продал её. Но через год я выкупил её обратно. Потому что она была первой.

У Янь Шаня защемило в груди. Он сжал Лу Цунбая в объятиях еще сильнее:

— А-Цэ, я нарисую тебе точно такую же. Один в один!

Лу Цунбай мягко отстранился. Он смотрел с бесконечной, тихой тоской. Он вымученно улыбнулся:

— Не надо, бао-бао. Всё хорошо. Ты болен, это нормально — не помнить. Пусть эта картина останется такой...

— Я не злюсь. Мне просто... грустно, не знаю, как объяснить. Получается, что прошлое помню только я один. Словно ты убежал вперед, забыв меня забрать.

Лу Цунбай добавил почти шепотом:

— А я остался запертым в старой коробке.

В горле у Янь Шаня встал ком. Лу Цунбай всегда отдавал ему всего себя, а он... он даже вспомнить их историю не может. Постоянно влипает в неприятности, заставляет А-Цэ разгребать последствия. Ведет себя как избалованный ребенок.

«Вспомни же! Ну! У тебя же всегда была феноменальная память!» — кричал он самому себе, напрягая мозг до предела. Но в голове была лишь звенящая пустота. Страшная, белая бездна.

От этого напряжения затылок пронзила острая боль. Янь Шань невольно вскрикнул и схватился за голову.

— Малыш? — Лу Цунбай мгновенно переменялся в лице и обхватил его ладонями за щеки.

Янь Шань открыл глаза. В этот момент он выглядел смертельно усталым. Лу Цунбай закусил губу и снова заговорил тем самым нежным, ласковым тоном, которым всегда убаюкивал его:

— Не можешь — не вспоминай. Врач сказал, что если будешь пить лекарства и слушаться, всё вернется. Это временно. Прости, что сорвался. Я не должен был.

Янь Шань почувствовал себя никчемным и слабым. Он так «достал» Лу Цунбая своими выходками, что тот теперь боится даже слово лишнее сказать. Неужели это и есть та жизнь, к которой он стремился? Впервые он по-настоящему захотел, чтобы в мире существовало лекарство, способное мгновенно вернуть память. Чтобы А-Цэ больше не смотрел на него с этой тихой болью.

***

Компания находилась на северо-востоке города, дом — на юго-западе. Через весь Город А в час пик не наедись. Учитывая утренний инцидент, Лу Цунбай решил остаться в офисе. Здесь были и кровать, и душ, а в случае чего — больница через дорогу, можно сразу в реанимацию доставить.

Подавленность Лу Цунбая исчезла так же быстро, как и появилась. Он снова стал самим собой — заботливым и внимательным, словно боялся дать Янь Шаню время на лишние размышления.

Камеры выключены, двери заперты. В самом сердце корпорации, в святая святых — кабинете председателя — Лу Цунбай притянул его к себе.

Янь Шань еще никогда не делал «этого» здесь. Было в этом нечто запретное, волнующее, словно они — заговорщики в королевских покоях. Когда Лу Цунбай навис над ним, и его дыхание, тяжелое и горячее, коснулось уха, Янь Шань почувствовал укол тщеславия.

«Видишь? А-Цэ всё равно не может без меня. Я незаменим».

Но глубоко внутри всё еще саднило. Та испорченная картина словно обрела голос. Она преследовала его в мыслях, шепча: «Ты уничтожил его сокровище».

Эта тревога не давала покоя до глубокой ночи. Когда Лу Цунбай крепко уснул, Янь Шань осторожно выскользнул из его объятий. Босиком, бесшумно, как тень, он вышел из спальни в основной кабинет.

Воздух был пропитан запахом свежей краски и лака. Янь Шань сел за массивный стол. В огромном панорамном окне была открыта одна створка. Он подошел к ней и посмотрел вниз.

Ночной город лежал внизу в холодном сиянии фонарей. «Если сейчас прыгнуть, никто и не заметит», — промелькнула дурацкая мысль. Он долго смотрел в бездну асфальта, пока ночной ветер не увлажнил его волосы, и только потом отошел от окна.

Его взгляд упал на пустую стену. Утром Лу Цунбай сетовал, что она выглядит слишком голой, и просил что-нибудь придумать.

— Пусть я иногда туплю, но А-Цэ одному не справиться, — прошептал Янь Шань пустоте. — Ему нужен кто-то, кто будет принимать решения. Например, по поводу этой стены. Я дам ему лучшее.

Он подошел к углу, где стояли банки. Там осталась серая и темно-синяя краска, и несколько малярных кистей, отмокающих в воде. Выбрав три штуки, он смешал цвета в ведре, добиваясь нужного оттенка.

Закончив приготовления, он взял кисть и подошел к стене. Истинный мастер не выбирает орудия, он творит тем, что есть под рукой.

Его движения были размашистыми и уверенными. Он перестал замечать окружающее — он видел контуры, которых еще не было наяву. Линия за линией, штрих за штрихом. Стиль был дерзким, почти небрежным, но из хаоса линий рождался четкий образ.

На верхнем этаже небоскреба, в полной тишине ночи, Янь Шань творил. Меньше чем за два часа он закончил огромную, сложную работу.

Опустив кисть, он тяжело перевел дух. По его голой спине стекали капли пота, но он не замечал холода. Краем глаза он увидел, что коридор за открытой дверью тоже сияет девственной белизной.

— Хм... там еще не закончено, — пробормотал он и, подхватив ведро, вышел в коридор.

***

На следующее утро Лу Цунбая разбудил резкий звонок мобильного. В трубке раздался взволнованный голос секретаря:

— Босс! Учитель Янь лежит у лестницы!

Лу Цунбай подскочил как ошпаренный. Накинув одежду, он выбежал из комнаты, не понимая, как Янь Шань умудрился исчезнуть из-под его бока.

Вылетев в коридор, он увидел секретаря — здорового парня, который тащил на спине

спящего Янь Шаня. Тот сладко посапывал и даже изредка похрапывал.

— Что произошло?! — Лу Цунбай поспешил забрать свою драгоценную ношу.

Секретарь, поморщившись от тяжести (Учитель Янь был весьма увесист), прохрипел:

— Не знаю, шеф. Камеры в кабинете были отключены, так что мы не видели, как он вышел. Но то, что он вытворял в коридоре... это всё на записи. Сходите посмотрите. Ребята говорят, что если бы мы знали, на что способен учитель Янь, нам бы не пришлось выписывать того мастера из Франции.

Лу Цунбай уложил Янь Шаня в постель и первым делом измерил температуру. Слава богу, не лихорадит. Настоящее чудо, что этот безумец, разгуливая полночи полуголым и босиком, не подхватил воспаление легких.

Лу Цунбай чувствовал себя выжатым как лимон. Два дня подряд нянчиться с этим «сокровищем» — задача не для слабонервных. Он устал, а впереди была гора работы. Но он привык терпеть.

Приведя себя в порядок, Лу Цунбай собрался позвонить психологу, чтобы обсудить состояние мужа, но, выйдя в кабинет, замер как вкопанный.

Стена напротив входа преобразилась.

Внизу, в глубокой, почти черной синеве, расцветали розы. Они прорывались вверх, необузданные, полные жажды жизни. А над ними раскинулось безбрежное звездное небо — завихрения света, сияющие искры, бесконечность космоса. Тьма внизу и ослепительный свет вверху.

Янь Шань воссоздал ту самую уничтоженную картину, увеличив её до масштабов стены. Лу Цунбай столько раз рассматривал оригинал, что знал каждую черточку.

Он стоял у двери, не в силах отвести взгляд. В этой росписи чувствовалась яростная, отчаянная смелость человека, который не оглядывается назад. Творец этой стены носил в душе целые миры, а в глазах его горел огонь того, кто идет к своей цели, несмотря ни на что.

Многие бы просто сказали: «Оригинально». Но Лу Цунбай, увидев это, подумал о том же, о чем и много лет назад при их первой встрече.

Они одной породы.

Янь Шань изменился до неузнаваемости за эти годы, но суть его осталась прежней. Такой же

упрямый, как и тогда, когда они только познакомились.

Как и сам Лу Цунбай.

Он долго смотрел на стену. А когда отвернулся, он едва сдерживал слезы.

<http://bllate.org/book/17575/1708912>